

Чу Фань не понял, с чего это малыш вдруг выдал такое, резко подскочил с дивана и обнял Чу Ляна:

— Малыш, я ещё даже не плакал, а ты чего ревёшь?

Чу Лян уткнулся лицом Чу Фаню в грудь и ничего не ответил. От Чу Фаня всё ещё пахло красной зелёной, и этот запах казался ему очень приятным. Подняв голову, он протянул руку и легко похлопал Чу Фаня по руке:

— Брат.

Чу Фань ещё не успел сообразить, как почувствовал на губах прохладное прикосновение. Он вытаращил глаза, Чу Лян тоже вытаращил глаза. Посмотрев друг на друга глаза в глаза какое-то время, Чу Фань первым пришёл в себя и отсунулся назад на пару шагов.

У Чу Фаня на душе скребли кошки, и он не мог толком объяснить свои чувства:

— Чу Лян, ты чего удумал? Только подвернулся момент, сразу целоваться лезешь.

Чу Лян ошеломлённо сидел без движения и лишь спустя мгновение спросил Чу Фаня:

— Брат, тебе весело?

Чу Лян смотрел на него во все глаза, и они сияли и блестели от возбуждения, а в уголках ещё не высохли слёзы. Чу Лян вспомнил, что говорил Цзоу Кай: целоваться с любимым человеком должно быть очень весело.

Чу Фань растерялся от этой бессвязной фразы. Он подался вперёд, обхватил голову Чу Ляна и громко чмокнул его в лоб:

— Весело, с чего бы? Послушай, малыш, что у тебя в голове вообще творится? Ты что, оттого что с Дуду целыми днями возишься, совсем отупел?

Чу Фань покосился на чёрную кошку, лежавшую неподалёку. Дуду лениво приподняла голову и мяукнула, заставив Чу Фаня вздрогнуть от неожиданности.

— Дуду куда умнее тебя, — отозвался Чу Лян, пристально глядя на Чу Фаня. — Эх, ладно, считай, что я ничего не говорил.

У Чу Ляна на сердце было смутно: раз он поцеловался с Чу Фанем, а тому вовсе не весело, неужели всё дело в том, что Чу Фань его не любит? Или, может, потому что он не укусил его? Глядя на сплошные синяки и ссадины на теле Чу Фаня, он поджал губы и был вынужден подавить мысль о том, чтобы укусить его за губы.

— Ого, надо же, какой смельчак, уже над старшим братом подтруниваешь? Ой-ой, ах ты рот мой... — Чу Фань расплылся в улыбке, но тут же задел ранку в уголках рта и от боли аж задрожал. — Не буду с тобой языки трепать, мне нужно восстанавливать силы. Завтра верну тебе красивого и грозного старшего брата!

Чу Фань поднял целую левую руку и напряг бицепс. Как раз в этот момент со двора зашла мама и, увидев такую позу сына, прыснула со смеху:

— И ты ещё грозный и красивый? Совсем людям житья не дашь.

— Мам, ну нельзя же так человека осаживать! — За зиму Чу Фань немного раздался вширь, но поскольку он вечно шастал где-то на воле, мясо на нём было крепким, и он обиженно протянул: — Это просто одежда широкая, вот тебе и кажется.

— Ладно-ладно, глаза у меня плохие. Марш спать, завтра выходной, отлёживайся давай, фронтовичек ты наш...

Мама намеренно выделила голосом слово «франтовичек», но при виде то зеленеющего, то бледнеющего лица Чу Фаня лишь зажгла в комнате свет и вышла.

Небо в этот час уже не казалось таким холодным. Чу Фань был сплошной раной, и даже на то, чтобы раздеться, у него ушла куча сил. Лень было переодеться в пижаму, так что он рухнул на кровать прямо в одних трусах, распластавшись на животе: спину после тех ударов палками прилично отделали, так что лежать на спине пока не представлялось возможным.

Чу Лян лёг рядом с Чу Фанем. На этот раз он не осмеливался, как обычно, обнимать Чу Фаня во сне: Чу Фань спал беспокойно, и он боялся, что если придвинется слишком близко, то во сне потревожит Чу Фаня и сделает себе же больно.

Зимой Чу Фань очень даже любил засыпать в объятиях Чу Ляна: тепло от его дыхания щекотало шею, и это было донельзя приятно. Сегодня же Чу Лян улёгся так далеко, что Чу Фань даже немного отвык:

— Чу Лян, чего это ты забился так далеко? Я что, людей ем, что ли?

— Твои раны... — Чу Лян поддвинулся поближе и прилёг рядом с Чу Фанем на бок.

— Всё в порядке, спи давай.

Чу Фань так вымотался за сегодняшний день, что едва пошевелил губами, как тут же погрузился в полудрёму. Сквозь сон он смутно почувствовал лёгкий поцелуй в щеку и чуть улыбнулся: опять Чу Лян измазал ему всё лицо своими слюнями.

Чу Лян сегодня страдал бессонницей. Это была его первая бессонница в жизни. В лунном свете, пробивавшемся сквозь окно, он смутно различал силуэт Чу Фаня. В тот вечер, когда он впервые увидел Чу Фаня, он точно так же смотрел на него. Только теперь, сам того не осознавая, он чувствовал, как привязанность к Чу Фаню постепенно перерастает в ненасытную жажду: он хотел, чтобы Чу Фань был его собственным братом, принадлежал только ему одному.

Чу Фань спал беспокойно, и Чу Ляну пришлось нелегко караулить его сон.

Когда Чу Лян уже в эн-ный раз перетащил обратно сползшую с кровати ногу Чу Фаня, он наконец сжал зубы и перетащил Чу Фаня поближе к стене. Теперь, если только не проломить стену насквозь или не расплющить его в лепёшку, упасть с кровати было никак нельзя.

Чу Фань выключил будильник и проспал на следующий день почти до полудня. Повернув голову, он увидел, что Чу Лян, обычно встающий спозаранку, сейчас крепко и сладко спит. Оглядев место, где они лежали, он отчётливо припомнил, что вчера засыпал с краю — как же его угораздило оказаться у самой стены? Вроде бы те вчерашние удары палками пришлись не по голове...

Чу Фань поломал голову с полминуты, так и не найдя ответа, тихонько натянул куртку и вышел

из комнаты. Мать готовила обед. Увидев Чу Фаня, который расхаживал в одной верхней одежде, накинутой на плечи, и в одних трусах, она не выдержала: Что за бесстыдство? А ну, иди надень штаны, сейчас еще прохладно.

Она поставила блюда на стол и снова ушла на кухню.

Чу Фань размял руки и нырнул обратно в комнату: Чу Лян, Чу Лян-лян... — выкрикивал он, тормоша Чу Ляна за голову. Прикоснувшись к нему, Чу Фань вдруг заметил, что лицо Чу Ляна немного похудело, кожа перестала быть такой мягкой, как раньше. Как бы это сказать... он всё еще выглядел очень красиво, но в нем появилось что-то иное. Казалось, он... стал выглядеть более по-мужски.

Для Чу Фаня это было удивительное открытие, и он, погрузившись в свои мысли, продолжал мять лицо Чу Ляна, забыв отпустить.

Чу Лян только под утро смог уснуть и сейчас спал крепким сном. Потревоженный тем, что Чу Фань тряс его и тискал за щеки, он приоткрыл веки и увидел перед собой Чу Фаня с лицом человека, искалеченного во время Второй мировой войны, который маячил перед ним своими длинными ногами. Чу Лян тяжело вздохнул, окончательно просыпаясь: Брат, хватит трясти, я хочу спать.

Чу Фань замер, услышав этот гнусавый голос — с такой сильной заложенностью носа было бы странно не простудиться. Чу Лян был еще в полудреме, когда Чу Фань потащил его пить таблетки. Впрочем, беспокойство Чу Фаня явно было излишним: если не считать утренней гнусавости, аппетит у Чу Ляна был отменный. Чу Фань, разминая шею у каменного стола во дворе, размышлял о том, как сильно изменился этот мальчишка, который раньше был таким робким. Тот, кто раньше начинал кашлять после простого холодного душа, теперь обладал просто железным здоровьем. Чу Лян в свободное время частенько практиковал саньда. Он слышал, что со следующего понедельника в школе официально открываются курсы тхэквондо. Ранее Цзоу Кай упоминал, что тхэквондо во многом похоже на саньда: и тело закаляет, и для самообороны пригодится. После Нового года Чу Лян стал особенно беспокоиться о своем росте, поэтому каждое утро вставал и бегал по полчаса. Зачастую, когда Чу Фань еще только видел десятый сон, Чу Лян уже заканчивал свою пробежку.

Как только выходные закончились, Чу Лян решительно записался на секцию тхэквондо. Чу Фань, глядя на то, как Чу Лян облачился в тренировочную форму, лишь цокнул языком: Неплохо, паренек, выглядишь как человек. Стоило Чу Фаню закончить фразу, как мама тут же его одернула: Сяо Лян в чем угодно выглядит отлично, это ты даже шелк умудряешься превратить в мешковину. Мама была невероятно довольна своим младшим сыном: учится хорошо, вежливый, послушный, да и собой хорош. Единственным недостатком оставался его невысокий рост, и мама ломала голову, как бы помочь малышу подрасти — казалось, весь рост перешел к Чу Фаню.

Чу Фань не стал спорить, лишь широко ухмылялся: хвалить брата для него было все равно что хвалить самого себя. Царапины на теле Чу Фаня уже начали затягиваться корочками, и когда они начинали чесаться, он невольно пытался их поскрести, но Чу Лян, если был рядом, тут же

перехватывал его руку. Последние несколько дней Чу Лян, вернувшись домой, постоянно куда-то уходил. Чу Фань несколько раз спрашивал его, но тот хранил молчание. Чем больше тайны было в этих уходах, тем сильнее разгоралось любопытство Чу Фаня. Он не раз хотел увязаться за братом, чтобы разузнать, что к чему, но Чу Лян всякий раз «вовремя» его замечал, и затея проваливалась. Подумав, Чу Фань решил, что следить исподтишка не по-мужски, и оставил Чу Ляна в покое.

После той драки Чжан Дуна долго наказывали, и он стал вести себя немного тише. Тех, кто приходил с ним в первую школу устраивать неприятности, тоже поймали — ими оказались ребята из третьей школы. Как бы они ни хорохорились, будучи детьми, им было не тягаться со взрослыми. Долгое время никто не приходил к нему с разборками. Сначала Чжан Дун опасался, что Чу Фань захочет отомстить, и каждый день осторожно прятался, но вскоре понял, что Чу Фань вовсе не собирался сводить с ним счеты, и камень с души упал.

После уроков Чжан Дун немного поиграл с одноклассниками в шарики, и, проиграв все, что у него было, неспешно поплелся домой. В последнее время он, опасаясь Чу Фаня, выбрал для себя скрытный путь. Домов здесь было немного, большую часть территории перестраивали, закладывая фундамент, но, кажется, подрядчик сбежал, и стройка заглохла, превратившись в пустырь. Он шел, опустив голову, и вдруг путь ему преградил какой-то человек. Чжан Дун поднял глаза и увидел этого малыша — разве это не Чу Лян, младший брат Чу Фаня? Чжан Дун решил, что это Чу Фань пришёл сводить с ним счёты, и поспешно огляделся. Заметив, что рядом находится только один Чу Лян, он самодовольно усмехнулся. Будь здесь Чу Фань, он, пожалуй, испугался бы, но перед этим пацаном, едва достающим ему до груди, он был уверен в собственных силах. К тому же Чу Фань сейчас отсутствовал, так что выдалась прекрасная возможность попортить нервы его младшему брату. Размышляя об этом, Чжан Дун озирался по сторонам — вокруг не было ни души, и в нём мгновенно вспыхнула смелость. Как следует проучить Чу Ляна казалось подходящим наказанием за то, что Чу Фань сломал ему нос.

Чжан Дун продумал всё до мелочей, включая избиение Чу Ляна и угрозы о том, что тому нельзя жаловаться Чу Фаню, учителям или родителям. Вот только колесо фортуны повернулось иначе, и человеком, которого избили и запугали, оказался он сам. Чжан Дун, поверженный и распластавшийся на земле под ударами Чу Ляна, до самого конца так и не смог понять, откуда у этого крошечного на вид малыша взялась такая невероятная сила.

Чу Лян отряхнул ладони и присел рядом с Чжан Дуном, невинно глядя на него своими большими глазами. Со стороны это выглядело так, будто милый и безобидный ребёнок обхватил колени руками, но для Чжан Дуна картина выглядела совершенно иначе.

— Ой, я забыл, ещё же остался долг Дэн Юя, — протянул Чу Лян, а затем вдобавок двинул Чжан Дуна ногой под зад.

Удар вышел на славу, заставив того взвыть от боли. Чу Лян не обращал внимания на жалкие вопли Чжан Дуна и продолжал говорить сам с собой. В этот момент Чжан Дун впервые испытал пробирающий до костей ужас. Он не думал, что Чу Лян убьёт его, но от того, как Чу Лян смотрел на него с улыбкой, ему казалось, будто он бредёт в кромешной тьме по бездонному переулку, отчего спина покрывалась ледяным потом.

У Чжан Дуна текли сопли и слёзы — знал бы он заранее, ни за что не выбрал бы это Богом забытое место. С того момента, как Чу Лян начал его избивать, здесь не то что человека — даже тени не мелькнуло.

— Поправляйся как следует, а я больше не буду тебе компанию составлять. Да, и не забудь то, что я сказал.

Чу Лян выпрямился. Он бил исключительно по телу, выбирая самые уязвимые места, так что на лице Чжан Дуна не осталось ни единого следа. Достав из кармана салфетку, Чу Лян стёр с рук прилипшую пыль, аккуратно поправил помятый воротник и ушёл, не оглядываясь. Чу Фань сидел дома, погруженный в свои мысли. Его раны почти зажили, но мать всё ещё не позволяла ему выходить на улицу. Раньше ей было всё равно, где он пропадает, но, видимо, в этот раз она была по-настоящему напугана. Когда Чу Лян вернулся домой, Чу Фань как раз крутил пульт между пальцами — это была его привычка. Он любил вращать ручки, пульта, да и вообще всё, что было не слишком громоздким и имело продолговатую форму. Пульт плавно описывал в воздухе красивые дуги. У Чу Фаня были очень красивые руки: длинные, изящные пальцы, и хотя кожа не была идеально белой, смотрелись они весьма приятно. Чу Лян прислонился к дверному косяку и некоторое время наблюдал за ним, а когда Чу Фань заметил его, улыбнулся и вошёл в комнату.

— О, вернулся? Вижу, настроение неплохое, — Чу Фань лежал на диване, закинув ногу на ногу. Уголок его рта приподнялся в полуулыбке.

Чу Лян посмотрел на него пару мгновений. Эта манера Чу Фаня — вальяжная, наплевательская, с лёгким налётом дерзости — действительно подкупала. Неудивительно, что стоило ему только перейти в пятый класс, как у него из ниоткуда появилась девушка.

— Так себе, — ответил Чу Лян. Он присел рядом с Чу Фанем, взял его за руку и внимательно осмотрел — и правда, красивая.

Теперь на обеденном столе обязательным блюдом был костный бульон. Мать готовила его каждый день, преследуя одну цель — чтобы Чу Лян вырос.

Чтобы помочь сыну подрасти, мать не жалела сил. Неизвестно, где она услышала, будто отвар из щетинника помогает в росте, но она отправилась в пригород и притащила целую охапку этой травы. Однако стоило отцу увидеть этот зелёный суп, в котором плавали колосья щетинника, как он тут же наотрез отказался его пробовать. Глядя, как жена суетится, отец лишь вздохнул:

— Сяо Лян ещё маленький, он обязательно вытянется, когда придёт время. А ты занимаешься ерундой, никаких научных оснований для этого нет.

Впрочем, в конце концов небо вознаградило старания: за один семестр Чу Лян подрос с метра до метра двадцати. Ради этих двадцати сантиметров мать чуть не прослезилась. Во втором полугодии четвёртого класса пояс на кимоно Чу Ляна для тхэквондо сменился с белого на

синий. Даже тренер не удержался от похвалы, отметив, что из Чу Ляна выйдет отличный боец, если его правильно тренировать, но, к сожалению, самого Чу Ляна это не интересовало.

Лето в этом году выдалось особенно жарким: казалось, стоит поднять голову, как увидишь на небе сразу два солнца. Чу Фань ворчал, что пора бы уже появиться Хоу И, чтобы сбить одно из них. На удивление, виноградная лоза во дворе в этом году принесла обильный урожай. Гроздья, пока ещё с виноградины размером с рисовое зерно, плотно теснились друг к другу.

— Чу Лян, странно, виноград-то уродился, — сказал Чу Фань. — Неужели это из-за тебя?

Чу Лян взял веер, который недавно принесла бабушка, и принялся обмахивать Чу Фаня. Услышав такой вопрос, он лишь закатил глаза:

— Я тебе не удобрение. Эти телеса отлично сгодятся на удобрение. Чу Лян сейчас как раз был в возрасте активного роста, и хотя на его теле появилось немного лишнего, он упорно продолжал бегать. Ростом он не вышел, зато мышцы были крепкими. Чу Фань поначалу даже терялся в догадках: по логике, при одинаковом с ним режиме дня у Чу Ляна никак не могло быть такого подтянутого тела. Чу Фань помнил, как задал этот вопрос матери, на что та лишь закатила глаза и с крайним пренебрежением ответила, что Чу Лян каждый день бегаёт, в отличие от него, ленивого, как свинья. Чу Фань тогда едва не задохнулся от возмущения — Чу Лян бегаёт? Он вообще был не в курсе!

Чу Ляну было лень спорить с ним, он продолжал обмахиваться веером, как вдруг дверь с грохотом распахнулась. Дэн Юй, уцепившись за дверной проем, тяжело дышал, словно мопс, и лишь спустя долгое время смог перевести дух.

Дэн Юй осел на пол, вытянув ноги. Летний зной был таким, что даже воздух казался жгучим. Он судорожно вздохнул и дернул Чу Фаня за рукав: Чу Фань, дело есть. Эрхоу перевелся в другую школу, кажется, в другой город уехал. Неприязнь Дэн Юя к Эрхоу по большей части объяснялась тем, что сам Чу Фань был с ним в контрах, поэтому, узнав новость, он сразу примчался сюда.

Чу Фань похлопал Дэн Юя по плечу, так как тот уже занял половину каменного стола: Откуда ты знаешь?

Дэн Юй, отдышавшись, ответил: Я проходил мимо дома Эрхоу и услышал. Кажется, его родители там ссорились. Чу Фань лишь протяжно хмыкнул и ничего не ответил, а Чу Лян даже не соизволил поднять век. Дэн Юй почувствовал себя крайне неловко: он ведь под палящим солнцем, от которого того и гляди жир на боках начнёт плавиться, притащился сообщить им эту радостную новость, а в итоге обнаружил, что обоим совершенно наплевать.

Поняв, что здесь ловить нечего, Дэн Юй поспешно ретировался, но не прошло и двух часов, как прибежал снова: Ми Цзюань тоже перевелась в другую школу. Чу Фаню от таких новостей стало дурно: Дэн Юй просто зарывает свой талант, если не идёт работать папарацци. К тому же, что это за повальное увлечение — менять школы?

К Ми Цзюань у него давно не осталось никаких чувств. В последнее время он переключил своё внимание на Чжан Мэнмэн, культурного организатора их класса. На перемене Дэн Юй тайком подтаскивал к ним Чу Фаня и Чу Ляна, указывая на неё пальцем. Девочка и вправду была хорошенькой: крошечный подбородок, лицо размером с ладонь, с детства росла красавицей, и в будущем наверняка станет только лучше. Дэн Юй совершенно не осознавал, что подобными выходками наживает себе врагов. Чу Лян из-за этого долго сверлил его тяжёлым взглядом, отчего Дэн Юй совсем растерялся, не понимая, чем же он так разозлил второго молодого господина из семьи Чу.

На новой неделе во время церемонии поднятия флага выяснилось, что назначенный знаменосец внезапно заболел и не смог прийти. Учитель обвёл взглядом класс и в конце концов выбрал Чу Фаня. Тот был совсем не в восторге от этой затеи, считая её глупой, но раз уж согласился, пришлось доводить дело до конца. Подавив раздражение, он отстоял церемонию, но как только сошёл с помоста, Дэн Юй налетел на него, сбив с ног.

— Чу Фань, смотри! — Дэн Юй с восторгом размахивал какой-то пёстрой бумажкой. Для Чу Фаня это была самая обычная макулатура. Чу Фань не испытывал особого интереса, но не хотел портить приятелю настроение, поэтому небрежно поинтересовался, о чем речь. Дэн Юй расплылся в широкой улыбке:

— Билеты на выступление Чжан Мэнмэн! Смотри, она вот здесь.

Дэн Юй ткнул пальцем в одну из девочек в розовых пышных юбочках. Чу Фань мельком глянул на снимок: нужно было обладать поистине невероятным зрением, чтобы разглядеть хоть что-то в этой крошечной фигурке. Дэн Юй явно перенапрягал свои глаза.

То, что они называли выступлением, на деле было лишь номером ко Дню защиты детей, просто в этом году мероприятие было масштабным — обещали даже приезд съемочной группы провинциального телевидения. Чжан Мэнмэн и ее подруги репетировали танец каждый день после обеда. И каждый раз, когда Чу Фань слышал мелодию про лодочку, разрезающую волны, и отражающуюся в воде белую пагоду, ему хотелось биться головой о стену.

— В эту субботу идем вместе, Чу Фань. Я специально попросил отца достать три билета, еще Чу Ляна позовем.

Чу Фань к подобным зрелищам был равнодушен, но раз уж Дэн Юй наконец-то сменил объект обожания, он не мог позволить себе растоптать робкие ростки первой любви приятеля, поэтому, стиснув зубы, согласился.

Следующие несколько дней Дэн Юй носился как угорелый, словно сам собирался выступать. Чу Фань и Чу Лян решили хранить молчание, делая вид, что ничего не замечают.

Выступление проходило в спорткомплексе. Дэн Юй, выпросив у родителей денег на обновку, заявился к ним ни свет ни заря. Чу Фань, окинув взглядом спортивный костюм Дэн Юя цвета куриного помета, возвел очи к небу и тяжело вздохнул: вкус у друга был даже хуже, чем у первоклассника.

— Ты уверен, что хочешь пойти в этом наряде, в котором похож на навозного жука? — Чу Фань с детства обладал своим собственным стилем, даже одежду для Чу Ляна во многом подбирал он. Эстетическое восприятие Дэн Юя было настоящим вызовом его зрительным нервам.

Дэн Юй опустил взгляд на свою одежду:

— А что не так? По-моему, отлично. Этот цвет такой оригинальный.

— Брат мой, он слишком оригинальный. Иди переодейся, а? Надень хотя бы ту белую футболку, что была в прошлый раз. — Чу Фань зевнул и поплелся в дом. Выступление ведь только вечером, а Дэн Юй с утра пораньше начал чудить — похоже, нормально выспаться сегодня не получится.

Чу Лян каждый день, в любую погоду, выходил на пробежку. Возвращаясь, он увидел у входа в переулок спину Дэн Юя и, заметив цвет его костюма, едва заметно дернул уголком рта. Зайдя в дом, он увидел Чу Фаня, который развалился на диване так, что нижнее белье съехало набок, оголяя половину ягодицы. Чу Лян взял с пола кота по кличке Дуду и тихонько опустил его на зад Чу Фаня. Неудивительно, что в ту же секунду раздался вопль. Дуду, испугавшись громогласного крика, вмиг вздыбил шерсть и вытаращил глаза на хозяина.

— Чу Лян, быстро... быстро убери кота! — Чу Фань не смел пошевелиться, сжавшись в комок на диване и обхватив колени руками, словно невинная девица после надругательства.

<http://bllate.org/book/21148/2144259>